Экономическое моделирование международного взаимодействия: международная экономика и международная политэкономия

А.Г. Олейнов

Статья посвящена двум основным направлениям теоретического обоснования процессов международного взаимодействия с позиций методологии современной экономической науки: международной экономике и политэкономии международных отношений. Каждое из направлений рассматривается через призму его формальных основ, а также отличительных особенностей по отношению друг к другу. Предпринимается попытка сформулировать общие теоретико-методологические основы экономического моделирования международного взаимодействия.

На современном этапе развития экономического знания изучение процессов международного взаимодействия занимает особое место в экономической науке. С одной стороны, методология данной области исследований опирается на десятилетия эволюции и значительный массив работ, посвященных изучению взаимодействия хозяйствующих субъектов на международной арене и связанных с этими процессами принятия решений и выработки правил взаимодействия. С другой стороны, предметом внимания экономистов выступают в значительной степени разные международные явления и процессы, что ведет к многообразию используемых предпосылок и теоретических моделей. Попытки обобщить методологию экономического анализа международного взаимодействия привели к появлению таких направлений, *как международная экономика (international economics)* и *международная политэкономия (international political economy)*. Однако эти попытки так и не привели к появлению отдельной экономической парадигмы международных отношений. В данной работе исследуется формальная сторона существующих подходов к экономическому моделированию процессов взаимодействия на международной арене и осуществляется поиск общих для данных подходов методологических принципов.

Международная экономика

В экономической литературе, связанной с исследованием наднациональных процессов, большинство работ, так или иначе, связано с вопросом координации различных направлений макроэкономической политики суверенных государств. При этом последние полвека актуальность того или иного направления макроэкономической политики для экономистов напрямую определялась экономическим развитием мира.

Олейнов Антон Геннадьевич – к.э.н., доцент кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО(У) МИД России. E-mail: oleinov@mgimo.ru

После Второй мировой войны и вплоть до 1970-х гг. это были вопросы торговых отношений и платежного баланса. Материальные последствия Второй мировой войны были устранены достаточно быстро, и уже к концу 1940-х гг. большинство стран Европы достигло довоенного уровня промышленного производства. В то же время основной источник внешних доходов – система внешней торговли и внешних платежей – не функционировал. Процессы торговой и экономической интеграции в Западной Европе на протяжении последующих лет (1950 г. – создание Европейского платежного союза; 1951 г. – создание Европейского объединения угля и стали; 1957 г. – создание Европейского экономического сообщества) нашли отражение в росте числа экономических исследований, посвященных вопросу координации внешнеторговой политики. Основной идеей здесь было проведение правительствами политики, которая способствует внутренней стабильности и экономическому росту и при этом не создает негативных внешних эффектов, аналогичных тем, с которыми мир столкнулся между двумя мировыми войнами[1].

С 1970-х гг. на первый план вышли вопросы согласования денежно-кредитной и валютной политики. Если сразу после Второй мировой войны США обладали огромным избытком платежного баланса, то с восстановлением экономик стран Западной Европы профицит платежного баланса США сменился растущим дефицитом. Увеличение долларовых запасов европейских стран, с одной стороны, и сокращение золотого запаса США, с другой, привели в итоге к отказу США в августе 1971 г. осуществлять дальнейший обмен долларов на золото по цене, зафиксированной в рамках Бреттон-Вудских соглашений 1944 г. Распад Бреттон-Вудской системы, переход на систему плавающих валютных курсов («Ямайское соглашение» стран–членов МВФ 1976 г., вступившее в силу в 1978 г.), создание Европейской валютной системы (1979 г.), создание Европейского валютного союза и введение единой европейской валюты (1999 г.) вывели на первый план в экономических исследованиях вопросы координации валютной и денежно-кредитной политики[2]. Более того, в течение 1980–1990-х гг. теоретические предложения по данным вопросам не раз находили свое применение на практике: соглашения о координации валютной политики между странами «Большой семерки», заключенные в Нью-Йорке в сентябре 1985 г. (Plaza Accord) и Париже в феврале 1987 г. (Louvre Accord)[3], согласованные валютные интервенции ведущих держав во время финансовых кризисов в Мексике (1994–1995 гг.), странах Азии (1997–1999 гг.), России (1998 г.), Бразилии (1999 г.) и др.

С конца 1990-х гг. актуальными стали вопросы степени открытости национальных экономик и регулирования международных потоков капитала наряду с необходимостью реформирования международной валютно-финансовой системы. «Ямайская» система плавающих валютных курсов способствовало ослаблению напряженности в международных валютных отношениях. Однако уже в середине 1980-х гг. стало очевидно, что результаты ее функционирования оказались не столь эффективными, как ожидалось. Темпы роста мирового производства и торговли по сравнению с предыдущими годами заметно упали, а дефициты платежных балансов ряда стран, наоборот, выросли. Кроме того, введение плавающих курсов привело к резкому увеличению частоты и амплитуды колебаний обменных курсов. К 1990-м гг. повсеместная либерализация валютных режимов и движения капитала способствовали увеличению скорости финансовых потоков и появлению дополнительных возможностей для валютных спекуляций. В результате в конце XX в. мир столкнулся сразу с несколькими валютно-финансовыми кризисами: в Западной Европе (1992–1993 гг.), в Мексике (1994 г.), Азии (1997 г.), России (1998 г.), Бразилии (1998 г.), Эквадоре (1999 г.), Турции (2001 г.) и мировым экономическим кризисом 2008–2009 гг. Все это не могло не найти отражения в экономической литературе[4].

Во второй половине XX в. рядом исследователей были предприняты попытки методологического обобщения работ, посвященных экономическим аспектам международных отношений, которые привели к выделению отдельного направления в экономической науке под названием *международная экономика (international economics)*. В зарубежной академической литературе данное направление традиционно подразделяется на две части: *теории международной торговли (или международные торговые отношения) и международные финансы (или международные денежно-кредитные отношения)*[5]. В российской научной литературе чаще встречаются такие субнаправления международной экономики, как *международные экономические отношения и международные валютно-кредитные отношения (реже международные финансовые отношения)*[6], которые де-факто выступают аналогами теорий международной торговли и международных финансов в зарубежных работах[7], но имеют менее выраженный теоретический характер[8]. Подобные деления позволяет определить объектом исследования международной экономики международную торговлю и финансы, а методологической базой – теории согласования различных направлений макроэкономической политики: торговой, денежно-кредитной, валютной, фискальной, инвестиционной, интеграционной и т.д. Однако оно одновременно констатирует многообразие теоретических моделей, используемых в рамках международной экономики, что говорит об отсутствии в рамках международной экономики общей теоретической концепции международного взаимодействия.

С формальной точки зрения международной экономике присуще те же математические методы, которые используются и для теоретического обоснования традиционных для экономической науки предметов исследования: методы оптимизации, теория вероятностей, математическая статистика, имитационное моделирование и др. Однако специфика международного взаимодей-

ствия как предмета исследования внесла коррективы в «популярность» тех или иных подходов и инструментов анализа в рамках международной экономики. Наиболее используемым инструментом теоретического обоснования здесь следует признать теорию игр.

Первые теоретико-игровые модели международного взаимодействия в экономической сфере были сформулированы еще в 1970-х гг.[9] Однако заметным данное направление теоретического анализа стало только в 1980-х гг.[10] Основным предметом теоретического обоснования первых теоретико-игровых моделей международного взаимодействия в экономической сфере стали вопросы координации макроэкономической политики суверенных государств. Как следствие, субъектом таких моделей выступали суверенные государства, а спектр охватываемых ими факторов был ограничен преимущественно национальными интересами (целями макроэкономической политики или ее последствиями). Второе поколение теоретико-игровых экономических моделей международного взаимодействия в экономической сфере появилось в 1980-х гг., получив свое развитие в 1990–2000-х гг.[11] Основным отличием новых моделей стал более широкий спектр охватываемых ими факторов (например, инерционность принятия решений), условий (например, монополистическая конкуренция) и субъектов (например, международный терроризм, домашние хозяйства и др.).

В работах по теоретико-игровому моделированию международного взаимодействия в экономической сфере можно выделить два вида игр: статические и динамические игры. Статические игры фокусируются преимущественно на неэффективности «равновесия Нэша» или некооперативного равновесия, по сравнению с кооперативным равновесием (другими словами, показывается, что последствия некооперативного поведения субоптимальны, а сотрудничество ведет к потенциальному Парето-улучшению). При этом переменными в используемых моделях выступают либо цели макроэкономической политики, такие, как экономический рост, инфляция или торговый баланс, или ее последствия для экономического роста, инфляции и торгового баланса. В работах, используемых динамические или последовательные игры, основной акцент делается на вопросе «временной непоследовательности» (time inconsistency) процесса принятия решений и важности репутации и доверия взаимодействующих сторон. Если статические игры игнорируют возможность того, что субъект международного взаимодействия может нарушить международные договоренности с целью получения прироста субъективного благосостояния, то использование последовательных игр (например, повторяющейся «дилеммы заключенного») позволяет вывести на первый план новые факторы, способствующие оптимизации отношений между странами (например, фактора доверия). В целом «динамические» модели ориентированы на то, что максимизирующие собственное благосостояние субъекты международного взаимодействия должны учитывать будущую экономическую конъюнктуру, которая будет определять выбор их действий в будущем.

Методологические особенности теоретико-игрового подхода к экономическому моделированию процессов взаимодействия на международной арене могут быть рассмотрены на примере модели международного взаимодействия Дж. Гроссмана и Э. Хелпмана, сформулированной в 1995 г. в их работе, посвященной международным торговым отношениям[12]. Данная модель рассматривает политику протекционизма в международной торговле как результат взаимодействия в каждом конкретном государстве групп давления (или лобби) и национальных правительств, заинтересованных в максимизации следующей функции полезности:

$$G = \sum_{i \in L} C_i(p) + aW(p),$$

где p – вектор внутренних цен; $Ci(p)$ – предложения от лоббирующей группы i, соответствующие вектору внутренних цен p; $Wi(p)$ – общее благосостояние группы населения, интересы которого продвигает лобби i; a – вес, который правительство придает благосостоянию граждан $(a>0)$; L – множество секторов экономики, которые в состоянии организовать группы давления (т.е. процесс лоббирования).

В данной модели национальная экономика каждого государства функционирует в условиях свободной конкуренции, а собственники факторов производства организуются для создания политических лобби. В обмен на реализацию правительством интересов лоббирующих групп последние предлагают поддержку тем политическим силам, которые определяют в настоящий момент торговую политику того или иного государства. Действующие политические силы при этом отдают себе отчет во взаимосвязи между размером поддержки со стороны групп давления и собственными политическими перспективами – вероятностью перевыборов. Как следствие, целевой функцией действующих политических сил (или правительства) является максимизация обозначенной выше функции полезности, как взвешенной суммы полученной поддержки от лобби и общего благосостояния населения.

Игровая модель Гроссмана–Хелпмана 1995 г. является двухуровневой. Первый уровень представляет собой двухэтапную некооперативную игру с участием групп давления и национального правительства каждой из стран, в которой на первом этапе группы давления выбирают и предлагают правительству свои варианты внешнеторговой политики (максимизирующие общее благосостояние групп населения, чьи интересы они представляют), которым соответствуют варианты поддержки правительства с их стороны, а на втором – происходит выбор и реализация внешнеторговой политики непосредственно правительством. Равновесием в данной игре является равновесие по Нэшу. Национальные правительства при этом обладают полной информацией относительно фактических объемов торговли и

получают все соответствующие их внешнеторговой политике пошлины и сборы.

Второй уровень является игрой с участием двух независимых государств со схожими политическими и экономическими системами. В данной игре противопоставляется кооперативное и некооперативное поведение «игроков»: «торговые переговоры» и «торговая война» между двумя государствами. Если правительства стран осуществляют независимую одностороннюю торговую политику, тогда процесс их взаимодействия на международной арене представляет собой «торговую войну» (которая также может быть рассмотрена как результат провалившихся переговоров между сторонами). Переговоры же рассматриваются как максимизация правительствами каждой из стран следующей функции:

$$G = \sum_{i \in L} C_i(\tau, \tau^*) + a\left[W(\tau, \tau^*) + R\right],$$

где τ является параметром, отражающим положительную ($\tau > 1$) или отрицательную ($\tau < 1$) динамику экспортных субсидий и импортных тарифов, а τ^* – аналогичным параметром для страны-контрагента; R – положительные или отрицательные трансфертные платежи со стороны одного государства другому. Первое слагаемое в данной функции отражает общий результат давления на каждое правительство лоббирующих групп. Второе – доход на душу населения, взвешенный по параметру, отражающему заботу правительства о благосостоянии общества. Для государства-контрагента данная функция будет симметричной.

Гроссман и Хелпман не прописывают конкретное содержание процесса переговоров, делая лишь допущение, что правительства нацелены на оптимальный результат, при котором уровень G не может быть увеличен без снижения уровня G^*. Эффективным здесь будет считаться выбор правительствами стран такой торговой политики, которая будет вести к максимизации взвешенной суммы благосостояния сторон, а именно:

$$a^*G + aG^* = a^*\sum_{i \in L} C_i(\tau, \tau^*) + a\sum_{i \in L^*} C_i^*(\tau^*, \tau) + a^* a\left[W(\tau, \tau^*) + W^*(\tau^*, \tau)\right]$$

Таким образом, объектом переговоров будут выступать параметры τ и τ^*, в ходе которых может быть принято решение о трансферте R, с целью максимизации суммарного благосостояния сторон.

Модель Гроссмана–Хелпмана является одним из наиболее показательных примеров теоретико-игрового подхода к экономическому моделированию процессов взаимодействия на международной арене. Его основным результатом стало понимание того, что некооперативное поведение национальных правительств ведет к неэффективному взаимодействию государств, а проведение независимой внутренней макроэкономической политики – к преимущественно отрицательным внешним последствиям для других участников международных отношений. Как следствие, важным условием минимизации внешних последствий внутриполитических решений стала признаваться их координация между государствами. Такая координация не всегда является наилучшей стратегией в экономических моделях, однако в целом ведет к повышению благосостояния в координирующих политику государствах. Сами экономические модели международной координации макроэкономической политики при этом имеют оптимизационный характер, а основное внимание в них уделяется международным препятствиям на пути наднационального согласования макроэкономических мер.

Следует также отметить то, что одной из базовых предпосылок экономических моделей в рамках международной экономики «де-факто» является предпосылка о том, что государства a priori взаимодействуют в условиях анархии, т.е. в условиях отсутствия централизованного (наднационального) управления, по аналогии с самим государством в обществе. Экономисты в целом исходят из того, что национальные правительства либо максимизируют относительные выгоды функции общественного благосостояния, либо минимизируют общественные потери. В международных отношениях, характеризующихся анархическим взаимодействием государств, экономическая рациональность последних проявляется в предпочтении стратегии сотрудничества, которая позволяет суверенным государствам снизить издержки анархического взаимодействия (общественные потери) и максимизировать свои выгоды (функцию общественного благосостояния). Кроме того, поскольку сотрудничество более постоянно во времени (time consistent), то оно становится, при прочих равных условиях, более эффективной стратегией достижения целей внутренней политики.

Использование теории игр и предпосылки об анархии привело к доминированию в работах по международной экономике наднационального измерения проблематики. В формальных экономических моделях международного взаимодействия нередко игнорируется влияние внутренних предпосылок (внутренней экономической или политической ситуации) на внешнеполитическую стратегию государств. Основной акцент здесь делается на позиции государства в международной системе и на том, как она меняется в ответ на изменения внешних условий. Международную экономику больше интересует трансграничные последствия макроэкономической политики и их влияние на саму макроэкономическую политику, нежели влияние интересов внутренних субъектов (как государственных, так и негосударственных) на процесс принятия внешнеполитических решений. Такой одноуровневый системный подход предполагает, что национальные правительства являются нейтральным максимизатором общественного благосостояния, выбирающим ту экономическую политику, которая необходима для общества.

Тем не менее следует отметить, что роль, которую играют национальные институты, внутренняя политика и негосударственные субъекты в принятии внешнеполитических решений отдельных государств, находит с каждым годом все большее отражение в теоретических работах экономистов. Более того, на концептуальном уровне влияние внутренних и частных интересов на процесс принятия

внешнеполитических решений является признанным в международной экономике уже несколько десятилетий, чему в немалой степени способствуют эмпирические подтверждения сформулированных теоретических моделей[13]. Акцент при этом делается на то, что на практике политики учитывают не только стратегии других государств, но также и внутренние последствия своих действий. В итоге процесс принятия внешнеполитических решений, как демонстрирует модель Гроссмана–Хелпмана, становиться игрой на двух уровнях: национальном и международном.

Международная политэкономия

Параллельно возникновению международной экономики во второй половине XX в. можно было наблюдать попытки интегрировать теоретические наработки экономистов в традиционные «политологические» парадигмы международных отношений. Работы экономистов, посвященные вопросам координации макроэкономической политики (включая работы по вопросам региональной интеграции и международным организациям), позволили заполнить тот вакуум, который образовался между традиционными теоретическими концепциями международных отношений и теми изменениями на международной арене, с которыми мир столкнулся во второй половине XX в. С 1970-х гг. экономические вопросы стали все чаще выходить на первый план в международной политической повестке дня (распад мировой системы золотовалютного стандарта, мировой нефтяной кризис, экономический спад в наиболее развитых странах 1974 и 1975 гг., после двух с половиной десятков лет стабильного экономического роста, и т.д.). Постепенно пропасть между абстрактными политологическими концепциями международных отношений и реальностью заставила исследователей-международников обратиться к работам представителей экономической науки.

К концу 1980-х гг. использование экономических моделей в рамках традиционных политологических парадигм международных отношений привело к появлению нового направления в международных исследованиях – *международной политической экономии (international political economy; global political economy)*. Помимо возникших противоречий между теорией и новыми экономическими реалиями ключевой предпосылкой появления данного направления стало широкое использование экономического инструментария для исследования внутренних политических процессов. Использование экономических методов анализа стало одной из наиболее заметных тенденций в методологическом развитии политической науки второй половины XX в. Это привело к появлению целого ряда междисциплинарных направлений на стыке двух наук, предметом исследования которых стала политика, а методом исследования – методологический комплекс экономической науки[14]. Начиная с 1970-х гг. экономические модели, нашедшие свое применение в теоретическом обосновании внутриполитических процессов, стали постепенно применяться и для теоретических обоснований международных процессов.

Следует также отметить еще один немаловажный фактор в становлении международной политической экономии. Этим фактором стало возрождение самой политэкономии как отдельной общественно-научной дисциплины. Если до начала XX в. экономическая и политическая мысль развивались в тесном взаимодействии, то в XX в. их эволюция пошла по отдельным траекториям. Это разделение в итоге привело к противоречиям между теоретическими концепциями и реальной действительностью. Тесное переплетение экономических и политических вопросов на практике делало неэффективными односторонние подходы как со стороны представителей политической науки, так и экономической. Попытки объяснить то, как взаимодействует политика и экономика на современном этапе развития человеческого общества, в итоге привели к возрождению политэкономии (включая появление работ, переосмысливающих ее марксистскую версию[15]), главной задачей которой стало решение наметившихся противоречий[16].

Таким образом, в формировании современной международной политической экономии как отдельной научной дисциплины можно выделить три ключевые предпосылки. Первая – это методологическая экспансия экономической науки в политологию. Вторая – эволюция экономической методологии исследований процессов взаимодействия на международной арене. Третья – возрождение политэкономии как отдельной общественно-научной дисциплины. Данные предпосылки предопределили в конечном итоге комплексную природу и методологическую дихотомию политэкономии как отдельного научного направления в международных исследованиях. С одной стороны, современная международная политэкономия – это изучение политических предпосылок экономических процессов на международной арене (или того, как политические факторы влияют на международные экономические отношения и мировую экономику в целом). С другой – это исследование экономических предпосылок международных политических процессов (или того, как внутренние и внешние экономические факторы ограничивают внешнеполитические процессы). Обе части дополняют друг друга в политэкономии, а политика и экономика здесь находятся в постоянном взаимодействии[17].

На сегодняшний день политэкономия является одним из наиболее «молодых» теоретических направлений в исследованиях международных процессов. Принято считать, что ее методологические основы были заложены еще в 1970 – начале 1980-х гг.[18]. Однако как отдельная научная дисциплина международная политическая экономия стала формироваться лишь с конца 1980-х гг., когда появились первые комплексные работы по данному направлению[19]. За последние двадцать лет международная политэкономия значительно обогатилась как теоретическим, так и эмпирическим материалом[20].

С формальной точки зрения современная международная политэкономия характеризуется использованием широкого методологического инструментария для моделирования процессов международного взаимодействия. Акцент при этом делается либо на роль интересов негосударственных субъектов (граждан, групп давления, бизнеса и т.п.) в процессе межгосударственного взаимодействия (например, в процессе международной экономической интеграции)[21], либо на распределение ответственности между различными уровнями принятия политических решений: национальным, региональным, международным, глобальным[22]. Основным тезисом и там, и там обычно выступает то, что выгоды и издержки международного взаимодействия распределяются между их субъектами неодинаково: всегда будут «проигравшие» и «выигравшие» (если не среди самих субъектов, то, как минимум, внутри них). Как следствие, экономическая эффективность в целом какого-либо внешнеполитического или внешнеэкономического решения для субъекта международного взаимодействия может быть недостаточной для его реализации в силу недостаточной политической поддержки такого решения внутри субъекта. Что же касается вопроса выгод и издержек принятия решений в процессах международного взаимодействия, то общей идеей в политэкономических моделях выступает то, что любой международный договор ведет к экономии издержек взаимодействия на международной арене. Последнее чаще всего принимает в политэкономических моделях форму экономии издержек предоставления общественных благ (как международных, так и внутри государств). На первый план при этом выводятся экономические предпосылки и факторы, а альтернативные измерения международных отношений (например, культурные отличия) либо не принимаются в расчет, либо отходят на второй план.

Как пример, можно привести одну из наиболее известных политэкономических моделей, сформулированную А. Алесина и И. Сполаоре в 1997 г. в их работе, посвященной исследованию оптимального количества и размера суверенных юрисдикций[23]. В данной модели формирование суверенного государства выступает как результат определенного компромисса между выгодами широкой политической юрисдикции, присущей большим по размеру территории государствам, и издержками разнородности (гетерогенности) населения в таких государствах. А. Алесина и И. Сполаоре исходят в построении своей модели из следующих предпосылок: издержки предоставления общественных благ на душу населения снижаются по мере увеличения количества индивидов, которые их финансируют; рост размеров государства (политической юрисдикции) ведет к росту общественных доходов; отличия в интересах людей позитивно коррелируют с размером государства (в небольших, относительно однородных по составу населения странах результаты общественного выбора ближе к предпочтениям среднего избирателя, нежели в больших, более гетерогенных государствах)[24].

С целью упрощения процесса моделирования А. Алесина и И. Сполаоре объединяют набор административных, юридических, экономических, политических услуг в каждой нации (стране) в своей модели под одним общественным благом, обозначаемым ими как «правительство». Население мира принимается за 1, а население стран произвольным образом равномерно размещено вдоль отрезка [0,1], на котором присутствуют идеальные точки для каждого правительства. Полезность индивидов уменьшается по мере роста дистанции их правительства от данных идеальных точек[25]. Каждая страна имеет одно правительство и вынуждено финансировать и получать выгоды только от правительства своей страны. В мире должно быть, как минимум, одно правительство. Таким образом, обозначая количество стран (правительств) за N, $N \geq 1$. Издержки на содержание каждого правительства равны k, в независимости от размеров страны. Каждый индивид имеет один и тот же уровень дохода y и платит налог ti. Таким образом, полезность каждого индивида i равна:

$$U_i = g(1 - al_i) + y - t_i,$$

где g и a являются двумя положительными параметрами, а l_i отражает разницу между предпочтениями индивида i и правительством его страны (т.е. предоставляем общественным благом). Таким образом, функция полезности является линейной. Параметр g отражает максимальную полезность общественного блага при $l_i = 0$, а параметр a– снижение полезности, с которой индивид сталкивается, когда правительство отличается от предпочитаемой индивидом (снижение предельной полезности услуг правительства, когда правительство находится на дистанции в l_i от предпочтений индивида).

В дальнейших построениях в своей модели А. Алесина и И. Сполаоре исходят из того, что индивиды, демонстрирующие схожие предпочтения, проживают географически однородно и немобильны. Таким образом, l_i в обозначенной выше функции отражает как отличия в предпочтениях индивидов, так и географическую дистанцию между ними. Границы стран определяются в модели эндогенно. Однако географическое положение каждого индивида фиксировано.

Дальнейшая задача, которая ставится в модели, – определить оптимальное количество стран при минимальных издержках индивидов. Решение данной задачи формально может быть представлено как максимизация суммы индивидуальных полезностей индивидов, т.е.:

$$\int_0^1 U_i di = \sum_{x=1}^{N} s_x [g(1 - a\bar{l}_{ix}) + y - \bar{t}_{ix}],$$

при условии, что: $\sum_{x=1}^{N} \bar{t}_{ix} = Nk$, где l_{ix} и t_{ix}– средняя дистанция и средний налог соответственно в стране x, а s_x – размер страны x. l_{ix} будет минимально для данного N, если общественное благо располагается в центре каждой страны. Таким образом, средняя дистанция для каждой страны равна $s_x/4$, а задача оптимального (эффективного с экономической точ-

ки зрения) количества стран может быть сформулирована как:

$$\min \frac{ga}{4}\sum_{x=1}^{N} s_x^2 + Nk,$$

при условии, что: $\sum_{1}^{N} s_x = 1$. Сумма квадратов размеров стран будет минимальной при выборе стран одинакового размера *s=1/N*. Следовательно, решением поставленной выше задачи для *N* является:

$$\min \frac{ga}{4N} + Nk.$$

То есть при целом *N* решением будет: $N^* = \sqrt{ga/4k}$.

В общем случае (если *N* не является целым) решение будет следующим. Обозначим $M=\sqrt{ga/4k}$, *N'* как целое число в интервале *(M-1,M)*, а *N"* как целое в интервале *(M,M+1)*. Тогда эффективное число стран будет *N'*, если и только *s'=1/N'* дает среднюю полезность не ниже, чем при размере *s=1/N"*, что возможно, если и только:

$$g(1-\frac{a}{4N}) - kN' \geq g(1-\frac{a}{4N''}) - kN'' \text{ или } N'N'' \geq ga/4k.$$

Таким образом, эффективное количество стран равно: а) *N'*, если *N'(N'+1)>ga/4k*; б) *N"*, если *N'(N'+1)<ga/4k*; в) *N'* и *N"*, если *N'N"= ga/4k*.

При допущении в рамках модели Алесина–Сполаоре использования в каждой из стран правила простого большинства при принятии коллективных решений, а также пропорциональной налоговой системы с одинаковым уровнем налоговой ставки для каждого индивида оптимальной политической картой мира будет та, при которой правительство каждой страны расположено в центре каждой – такой выбор минимизирует среднюю дистанцию между правительством (содержанием общественного блага) и предпочтениями граждан. Одновременно принимая во внимание равномерное распределение предпочтений индивидов в модели, среднее значение полезности будет максимальным при одинаковом размере стран. Само же число стран будет оптимальным при равновесии между средним уровнем налогов и дистанцией между формой правительства и предпочтениями граждан. Увеличение количества стран на единицу будет вести к увеличению налоговой нагрузки на каждого индивида и снижению средней дистанции. Такое увеличение произойдет (т.е. оно будет одобрено индивидами), если выгоды от снижения дистанции превысят издержки увеличения налогового бремени для индивидов.

Таким образом, предметом теоретического исследования модели Алесина–Сполаоре фактически выступает равновесие между количеством стран, степенью демократизации и экономической интеграцией, что позволяет констатировать следующее: процесс демократизации ведет к сецессии (что подтверждается большим количеством стран в мире с демократическими режимами, чем недемократическими); демократический процесс приводит к неэффективно большому количеству стран; равновесное число стран растет по мере усиления международной экономической интеграции[26]. Иными словами, распространение демократии может вести к политической децентрализации (т.е. увеличению количества суверенных образований). Усиление же экономической интеграции между странами снижает потребность в политической интеграции. Проблема политической дезинтеграции будет актуальной настолько, насколько негативен для общественного благосостояния чистый эффект экономической интеграции.

Наиболее важным теоретическим выводом из модели Алесина–Сполаоре является то, что устойчивые к делению структуры суверенных образований возможны и, более того, могут быть экономически эффективными при допущении, что у любого региона есть возможность отделятся и формировать новые суверенные образования (что в конце концов ведет к равновесию). Однако одномерность исследования А. Алесина и И. Сполаоре (как результат использования весьма строгих предпосылок, таких, как равномерное распределение населения мира и его немобильность) делает их модель сильно упрощенной. Последующие теоретические исследования показали, что как только в модель Алесина–Сполаоре добавляются новые измерения, ее основные выводы перестают быть верными[27].

В целом рассмотренная выше политэкономическая модель международного взаимодействия является одной из многих. Современная политическая экономия охватывает самые разные сферы исследования: от процессов централизации и децентрализации принятия решений на международной арене до взаимосвязей между экономической и политической интеграцией. Как следствие, спектр политэкономических моделей международных отношений весьма широк. Отличия в политэкономических моделях касаются преимущественно способа моделирования процесса международного взаимодействия. Выбор подхода к моделированию здесь во многом зависит от того, какой аспект или процесс международного взаимодействия является предметом теоретического исследования.

Если же провести концептуальное сравнение теоретических подходов международной экономики и международной политэкономии, то можно выделить три наиболее заметных методологических отличия второй от первой. Во-первых, это попытка интегрировать национальные и наднациональные политические и экономические процессы в концептуальном обосновании современной международной системы (процесс принятия внешнеполитических решений в политэкономической литературе рассматривается как результат трансформации внутренних интересов, с учетом их «понимания» политиками[28]). Во-вторых, это более широкое предметное поле, включающее проблемы международной торговли и экономического развития (в их политическом аспекте), взаимосвязь демократии и рыночных отношений, вопросы глобального управления и глобальных рынков, различные аспекты межгосударственного сотрудничества в сфере решения наднациональных экономических проблем и изучение позиций негосударственных

субъектов относительно тех или иных мер наднациональной макроэкономической политики и др.[29]. В-третьих, это параллельное использование методологии традиционных «политологических» концепций международных отношений и аналитического инструментария экономической науки.

Общие принципы экономического моделирования международного взаимодействия

Анализ исследовательского инструментария международной экономики и международной политэкономии показывает, что использование методологии экономической науки при исследовании процессов взаимодействия в международных отношениях ведет к построению строгих формальных моделей принятия решений взаимодействующими субъектами, главной особенностью которых является их опора на экономико-математические методы, традиционные для экономического анализа в целом. Одновременно на современном этапе развития экономического знания использование методологии экономической науки при обосновании международных явлений и процессов характеризуется применением широкого спектра теоретических моделей. Многообразие используемых моделей находит свое объяснение прежде всего в том, что принятие решений в международных отношениях осложнено влиянием широкого спектра разнородных внешних и внутренних факторов и очевидной неполнотой информации о воздействии данных факторов и их внутренней взаимосвязи (в частности, на размер внешнеторговых ограничений могут оказывать влияние такие факторы, как структура рынка, анализируемой продукции; степень конкуренции в отрасли; технологический уровень и т.д.). Кроме того, на практике наличие идентичных (как в рассмотренной выше модели Гроссмана–Хелпмана) или по крайней мере схожих по структуре экономических и/или политических интересов у взаимодействующих на международной арене субъектов – весьма редкое явление.

Охват экономическими моделями международного взаимодействия относительно ограниченного спектра факторов сказывается на конкретности сферы их приложения, которыми могут являться: торговые отношения, вопросы экономической интеграции, валютно-финансовые отношения и т.д. В такой ситуации возникает потребность в определении общих для данных моделей теоретико-методологических оснований, которые могли бы не только позволить минимизировать субъективность конкретных моделей и снизить издержки неполноты исходных данных, но и быть применимыми к более широкому классу событий. Кроме того, последнее могло бы способствовать формированию общего подхода к экономическому моделированию вопроса принятия решений в международных отношениях.

Обзор теоретических подходов в рамках международной экономики и международной политэкономии позволяет, как минимум, выделить следующие методологические особенности, общие для данных направлений экономического моделирования процессов взаимодействия на международной арене.

Во-первых, формальная сторона экономических моделей международного взаимодействия (как теоретико-игровых, так и политэкономических) обычно опирается на выбор участвующими сторонами решений, максимизирующих субъективное благосостояние, т.е. на максимизацию субъективных функций полезности. При этом основной задачей теоретических построений и там, и там является поиск равновесия, при котором институциональная сторона международных отношений эффективна и стабильна.

Во-вторых, основными альтернативами выбора у субъектов международных отношений в процессе их взаимодействия являются ограниченные и независимые (относительно интересов или предпочтений других субъектов международных отношений) действия. Основное отличие теоретико-игровых экономических моделей международного взаимодействия от политэкономических заключается в том, что первые акцентируют внимание на внешних факторах, а именно исходят из того, что действия субъектов международных отношений при их взаимодействии (или иными словами: процесс принятия решений в международных отношениях) ограничены интересами других субъектов международных отношений, а вторые ставят на первый план внутренние факторы, т.е. исходят из того, что действия субъектов международных отношений, так или иначе, определяются (или ограничены) общественным мнением, внутриэкономическими интересами и т.п.

В-третьих, развитие экономических моделей международного взаимодействия сегодня идет по пути включения в них новых факторов, которые проявляются в ходе их эмпирической проверки. Одним из таких факторов, например, является неполная или асимметричная информация и связанные с ней проблемы принятия решений в условиях неопределенности, что находит свое отражение в новых определениях, дополнительных свойствах, новых принципах и подходах. Выбор подхода к моделированию при этом напрямую зависит от количества и структуры доступных данных, а также степени субъективности восприятия сторон, принимающих решения. Все подходы при этом в той или иной мере характеризуются неравномерностью учета значений параметров и используют либо их усреднение, либо аппарат теории вероятностей в качестве основных методов разрешения неопределенности.

Таким образом, общий обзор существующих теоретических подходов к экономическому моделированию международных процессов, осуществленный выше, «рисует» экономику международных отношений как процесс взаимодействия, характер которого зависит от соотношения преимуществ и издержек имеющихся у участников данного процесса альтернативных решений. Необходимым экономическим условием действий, осуществляемых субъектами международных отношений, яв-

ляется превышение ожидаемой полезности таких действий над ожидаемой полезностью альтернативных им решений. Принимая во внимание, что основными (базовыми) альтернативами в процессе международного взаимодействия (на современном этапе их развития) являются согласованные (с интересами или предпочтениями других субъектов) действия и независимые (от других субъектов и их интересов) действия, данное условие принятия решений может быть записано математически следующим образом:

1) при автономном взаимодействии на международной арене:

$$E(U_i^S) > E(U_i^I) \text{ или: } E(U_i^S) - E(U_i^I) > 0,$$

2) при институционально-ограниченных международных отношениях:

$$E(U_i^I) > E(U_i^S) \text{ или: } E(U_i^I) - E(U_i^S) > 0,$$

где $E(U_i^I)$ – ожидаемая полезность субъекта *i* от выбора согласованных действий; $E(U_i^S)$ – ожидаемая полезность субъекта *i* от независимых действий.

В экономическом моделировании процессов международного взаимодействия каждый субъект международных отношений стремится к удовлетворению своих интересов в рассматриваемой сфере, что находит свое выражение в агрегированной целевой переменной его действий. Однако одноуровневый подход к моделированию международного взаимодействия не является достаточным для объяснения современных международных процессов, что требует расширения спектра учитываемых факторов, определяющих действия субъектов международных отношений. Иными словами, важным условием для понимания характера современных международных процессов является инкорпорирование в теоретические модели уровня внутренних социальных ограничений внешнеполитических действий. Модель принятия решений в международных отношениях должна учитывать, как внешние (международные) факторы меняют картину интересов внутри самих субъектов международных отношений (например, картину интересов в социуме внутри суверенных государств или интересы негосударственных участников международных отношений). Все это предопределяет использование многоуровневой функции полезности в экономической модели принятия решений в международных отношениях[30].

Здесь также следует отметить еще одну общую методологическую предпосылку для любой экономической модели международного взаимодействия. Как было отмечено выше, использование математических инструментов анализа в экономическом моделировании ведет к ориентации экономического анализа на поиск равновесных оптимумов. Главным ориентиром в процессе такого поиска обычно выступает концепция эффективности по Парето. В соответствии с ней эффективным является любое состояние, при котором нельзя увеличить полезность одного участника отношений, не уменьшив полезности другого. В ходе своего взаимодействия субъекты отношений, действующие рационально, способны посредством перераспределения благ (через заключение соглашений) достичь границы Парето-эффективности.

***

Обозначенные в данной работе теоретико-методологические предпосылки экономического моделирования процессов взаимодействия на международной арене, на взгляд автора, являются достаточным основанием для постановки вопроса о возможности прямого использования методологии экономической науки для комплексной теоретической концептуализации не только международного взаимодействия в экономической сфере, но и международных отношений в целом. Современная экономическая теория располагает методологическим инструментарием, который в случае его комплексного рассмотрения может стать отдельным теоретическим подходом в международных исследованиях. Более того, применение методологии экономической науки как теоретического инструмента в исследовании процессов взаимодействия на международной арене позволяет по-новому взглянуть на международные процессы и истоки современной системы международных отношений, что может дать импульс унификации категориального аппарата в сфере исследования международных отношений.

Oleinov A.G. Economic Analysis of International Interaction: International Economics and International Political Economy.

Summary: *The article focuses on two major fields of economic analysis of international interaction: international economics and international political economy. Each of the areas is considered through its formal methodological foundations. An attempt to formulate a general theoretical and methodological foundations of economic analysis of international interaction is made.*

Ключевые слова

Международная экономика, международная политэкономия.

Keywords

International Economics, International Political Economy.

Примечания

1. Например, см.: Viner J. The Customs Union Issue. N.Y., 1950; Meade J. The Theory of International Economic Policy, 2 Vols. L., 1951-1955; Mundell R. The Pure Theory of International Trade // The American Economic Review. 1960. №1; Balassa B. Trade Creation and Trade Diversion in the European Common Market // The Economic Journal. 1967. №77.
2. Например, см.: Bryant R. Money and Monetary Policy in Interdependent Economies. Washington, 1980; Williamson J. The Exchange Rate System. Washington, 1983; International Policy Coordination and Exchange Rate Fluctuations. Eds. W.H.Branson, J.A.Frenkel, M.Goldstein, Chicago, 1990.

3. Подробнее см.: Funabashi Y. Managing the Dollar: From the Plaza to the Louvre. Washington, 1988.
4. Например, см.: Rogoff K. Institutions for Reducing Global Financial Instability // Journal of Economic Perspectives. 1999. №4; Sercu P., Uppal R., Exchange Rate Volatility, Trade and Capital Flows Under Alternative Exchange Rate Regimes. Cambridge, 2000; Данилов Ю., Седнев В., Шипова Е. Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность и/или справедливость? // Вопросы экономики. 2009. №11; Obstfeld M. The International Monetary System: Living with Asymmetry // CEPR Discussion Papers. 2011. N 8703.
5. Kindleberger C.P. International Economics (1-5th Editions). Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1953-1973; Kindleberger C.P., Lindert P.H. International Economics (6-7th Editions). Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1978, 1982; Krugman P.R., M.Obstfield. International Economics: Theory and Policy (1-8th Editions). London: Pearson, 1988-2009; Salvatore D. International Economics - Theory and Problems (1st-4th Editions). NY: McGraw-Hill, 1976-1996.Salvatore D. International Economics (1st-10th Editions). NY: Macmillan; Prentice-Hall; Wiley & Sons, 1983-2010 и др.
6. Международные экономические отношения / под ред. И.П.Фаминского. М.: Юристъ, 2004; Международные экономические отношения / под ред В.А. Рыбалкина. М.: Юнити-Дана, 2008; Международные валютно-кредитные и финансовые отношения / под ред. Л.Н.Красавиной. М.: Финансы и статистика, 2008; Мировая экономика и международные экономические отношения / под ред. А.С. Булатова, Н.Н. Ливенцева. М.: Магистр, 2008 и др.
7. Одновременно у российских экономистов можно встретить и классификацию, свойственную зарубежным работам. См.: Колесов В.П., Кулаков М.В. Международная экономика. М.: ИНФРА-М, 2011.
8. Отдельного упоминания в данном контексте заслуживает подход А.П.Киреева, выступающего за расширение традиционного для российской научной школы международных экономических исследований научного поля до рамок международной экономики как «части экономической науки, изучающей закономерности развития наций в условиях их экономического взаимодействия» (Киреев А.П. Пионеры международной экономики // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / пер. с англ.; под общ. ред. А.П. Киреева. М.: ТЕИС, 2006. С. 10). Он также предлагает следующее деление: международная микроэкономика - международное движение товаров, услуг и факторов производства, и регулирующая их государственная политика, и международная макроэкономика – государственная экономическая политика в условиях открытой экономики [Там же].
9. См., например: Hamada K. A Strategic Analysis of Monetary Interdependence // Journal of Political Economy 1976. № 84.
10. Barro R. J., Gordon D. B. Rules, Discretion and Reputation in a Model of Monetary Policy // Journal of Monetary Economics. 1983. № 12 (1); Oudiz G., Sachs J. Macroeconomic Policy Coordination among the Industrial Economies // Brookings Papers on Economic Activity. 1984. N 1; Miller M., Salmon M. Policy Coordination and Dynamic Games // W. Buiter, R. Marston (eds.). International Economic Policy Coordination. Cambridge, UK: Cambridge University, 1985; Currie D., Levine P., Vidalis N. International Cooperation and Re-putation in an Empirical Two-Bloc Model // Bryant R., Portes R. (eds.). Global Macroeconomic: Policy, Conflict and Cooperation. London: Macmillan Press, 1987; McKibbin W. The Economics of International Policy Coordina-tion // Economic Record. 1988. № 6 (187).
11. Lapan H.E., Sandler T. To Bargain or not to Bargain: that is the Question // American Economic Review. 1988. № 78; Obstfeld M., Rogoff K. Exchange Rate Dynamics Redux // Journal of Political Economy. 1995. № 103; Dixit A. A Repeated Game Model of Monetary Union // The Economic Journal. 2000. № 110; Obstfeld M., Rogoff K. Global Implications of Self-Oriented National Monetary Rules // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117 (2); Lai E. Theory of International Policy Coordination in Protection of Ideas // K.E. Maskus (ed.). Intellectual Property, Growth and Trade. Elsevier, 2008.
12. Grossman G., Helpman E. Trade Wars and Trade Talks // Journal of Political Economy. 1995a. Vol. 103(4). Данная модель была сформулирована на базе теоретико-игровой модели формирования торговой политики Гроссмана–Хелпмана 1994 г. (Grossman G., Helpman E. Protection for Sale // American Economic Review. 1994. № 84), которая является одной из наиболее используемых игровых моделей в современных экономических работах. Ее использование охватывает не только сферы формирования внешнеторговой политики (Афонцев С.А. Экономико-политическая модель унификации импортного тарифа: российская перспектива // Консорциум экономических исследований и образования. Серия «Научные доклады». 2004; Коломак Е.А. Региональный протекционизм в России: позитивный анализ. М.: EERC, 2005), и международной торговли (Gawande K., Sanguinetti P., Bohara A.K. Exclusions for Sale: Evidence on the Grossman-Helpman Model of Free Trade Agreements // NAFTA-MERCOSUR Working Paper №. 4. University of New Mexico. 2005; Hagemejer J., Michalek J.J. The Political Economy of Poland's Trade Policy: Empirical Verification of the Grossman-Helpman Model // Eastern European Economics. Vol. 46. 2008; Karacaovvali B. Free Trade Agreements and External Tariffs // Fordham University Department of Economics Discussion Papers. 2010. № 3);, но и такие сферы, как политические выборы (Grossman G., Helpman E. Electoral Competition and Special Interest Politics // Review of Economic Studies, 1996. № 63(215); Prat A. Campaign Spending with Office-Seeking Politicians, Rational Voters, and Multiple Lobbies // Journal of Economic Theory. 2002. № 103(1)) и законодательный процесс (Dharmapala D. Comparing Tax Expenditures and Direct Subsidies: the Role of Legislative Committee Structure // Journal of Public Economics. 1999), налогообложение (Marceau N., Smart M. Corporate Lobbying and Commitment Failure in Capital Taxation // CESifo Working Paper. 2002. N. 676) и государственная политика в целом (Dixit A., Grossman G., Helpman E. Common Agency and Coordination: General Theory and Application to Government Policy Making // Journal of Political Economy. 1997. № 105; Mazza I., van Winden F. Does Centralization Increase the Size of Government? The Effects of Separation of Powers and Lobbying // International Tax and Public Finance. 2002) и др.
13. См., например: Goldberg P., Maggi G. Protection for Sale: An Empirical Investigation // American Economic Review. 1999. № 89; McCalman P. Protection for Sale and Trade Liberalization: An Empirical Investigation // Review of International Economics. 2004. № 12 (1); Gawande et al., 2005; Gawande K., Li H. Trade Barriers as Bargaining Outcomes // World Economy. 2006. Vol. 29.
14. См. подробнее: Олейнов А. Политический процесс через призму экономической науки: комплексный подход // Полис. 2009. № 4.
15. Например, см.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии. М.: Культурная революция, 2009.
16. Обзор современных работ по политэкономии см.: Dewan T., Shepsle K.A. Review Article: Recent Economic Perspectives on Political Economy. Part I, II // British Journal of Political Science, 2008. № 38 (2, 3).
17. «Международная политэкономия – это наука о взаимодействии экономики и политики на мировой арене» [Frieden, J.A., D,A. Lake, J.L.Broz. International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth (5th Edition). W. W. Norton & Company. 2009. P. 1]. Другими словами: международная политэкономия является междисциплинарным направлением исследований международных отношений, использующим методологию различных общественно-научных дисциплин, ключевыми из ко-

торых являются политология и экономическая наука. Междисциплинарность международной политэкономии как научного направления предопределяет двойную природу ее предмета, к которому, с одной стороны, относится влияние политических факторов на международные экономические отношения, а с другой– влияние экономических факторов на мировые политические процессы и систему международных отношений.

18. Bergsten C.F., Krause L.B. (eds.). World Politics and International Economics. Washington, D.C.: Brookings, 1975; Spero J.E. The Politics of International Economic Relations. London: Allen & Unwin, 1977; Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. Boston: Little, Brown & Co., 1977; Katzenstein P.J. (ed.). Between Power and Plenty: Foreign Economic Policies of Advanced Industrial States. Madison: University of Wisconsin Press, 1978; Sandler T. (ed.). The Theory and Structure of International Political Economy. Boulder, Colo.: Westview, 1980; Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge, UK: Camb¬rid¬ge University Press, 1981 и др.
19. Gilpin, R. The Political Economy of International Relations. Princeton University Press, 1987; Frieden, J.A., D,A.Lake (eds.). International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth. St. Martin's Press. 1987.
20. Frieden, J.A., D,A.Lake (eds.) International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth (1-4 editions). St. Martin's Press / Routledge. 1987-1999; Gilpin, R., J.M.Gilpin. Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. Princeton University Press, 2001; Oatley, T. International Political Economy: Interests and Institutions in the Global Economy (1-5 Editions), Pearson / Longman, 2001-2011; Cohn T.H. Global Political Economy (1-5 Editions). Addison-Wesley/Longman. 2000-2009; Ravenhill, J. (ed.). Global Political Economy (1-2 Editions), Oxford University Press. 2005-2008; Frieden, Lake, Broz, 2009; Frieden, J.A., D,A.Lake, K.A.Schultz. World Politics: Interests, Interactions, Institutions. W. W. Norton & Company. 2009.
21. Основное внимание здесь уделяется тому, как экономические выгоды и издержки решений национальных правительств на международной арене влияют на их общественную поддержку внутри страны. См.: Ruggie J. Collective Goods and Future International Collaboration // American Political Science Review. 1972. N. 66; Snidal D. Public Goods, Property Rights, and Political Organizations // International Studies Quarterly. 1979. N. 23; Frey B. The Public Choice View of International Political Economy // International Organization. 1984. Vol. 38; Frey B. Strengthening the Citizens' Role in International Organizations // Review of International Organizations. 2006. N. 1; Беляков А.О. О динамике объединений людей / Препринт # BSP/2007/094 R. – М.: Российская Экономическая Школа, 2007 и др.
22. См.: Vaubel R. The Public Choice Analysis of European Integration: A Survey // European Journal of Political Economy. 1994. N. 10; Hemming R., Spahn P. European Integration and the Theory of Fiscal Federalism // M.Bleyer, T. Ter-Minassian (eds.) Macroeconomic Dimensions of Public Finance. Washington DC: IMF, 1997; Hooghe L., Marks G. Types of Multi-Level Governance // European Integration online Papers (EIoP). 2001. Vol. 5 (11).
23. Alesina, Spolaore, 1997. Модель Алесина-Сполаоре стала одной из первых политэкономических моделей, в которой дается формальное экономическое обоснование формирования политической карты мира. Аналогичный предмет исследования и схожие теоретические построения можно также найти в модели П.Болтона и Г.Роланда (Bolton, Roland, 1997).
24. В своей работе А.Алесина и И.Сполаоре также указывают и на такие выгоды широкой политической юрисдикции как то, что противодействие специфическим макроэкономическим шокам является более затратным для небольших стран, а также то, что вопросы безопасности также напрямую зависят от размеров стран. Однако формальная модель, предлагаемая ими, не охватывает отмеченные аспекты.
25. Иными словами, каждая страна представлена интервалом на отрезке [0,1], в центре которого расположена «столица», где происходит предоставление всех общественных благ. Чем дальше индивид располагается на отрезке, тем менее предпочтительным для него является правительство.
26. Alesina, Spolaore, 1997, p. 1027-1028. Согласно модели, когда предоставление общественных благ и политическая интеграция опираются на правило простого большинства, тогда равновесным будет очень много небольших суверенных образований. Население у границ любой страны всегда будет иметь больше экономических стимулов формирования новых стран для получения более соответствующих их предпочтениям общественных благ. Когда же общественный выбор не является демократическим и правительства определяются интересами отдельных индивидов, чья основная цель состоит в максимизации чистых налоговых поступлений, то степень политической интеграции будет выше.
27. Например, когда население распределено произвольно и неравномерно, устойчивое деление на суверенные образования будет существовать не всегда. Более того, процесс образования новых стран и реорганизации существующих может становиться хаотичным, что вообще ставит вопрос возможности какого-либо формального математического моделирование. См., например: Dreze J., Le Breton M., Savvateev A., Weber S. Almost Subsidy-Free Spatial Pricing in a Multi-Dimensional Setting // Journal of Economic Theory. 2009. Vol. 143 (1).
28. Государственные органы власти, негосударственные участники внутриполитических и экономических, а также внешнеполитических и международных экономических процессов постоянно оказывают политическое давление с целью заставить политиков выбрать ту политику, которая соответствует их интересам. Все это ведет к тому, что политики должны учитывать реакцию внутри страны на потенциальные международные договоренности. Последнее в конечном итоге определяет действия государства на международной арене: оно может препятствовать осуществлению стратегии сотрудничества, невзирая на выгоды, или способствовать данной стратегии, несмотря на издержки. Как следствие, сотрудничество между государствами может в меньшей степени определяться национальными интересами и максимизацией благосостояния, нежели, например, потенциальным переизбранием политиков.
29. Немаловажной составляющей предмета политэкономии международных отношений при этом является процесс глобализации. Если в международной экономике этот процесс рассматривается как в целом положительное явление, то представители политэкономии занимают здесь «нейтральную» позицию. По мнению политэкономистов, глобализация является потенциально необратимым процессом, который ведет к стандартизации национальной политики и институтов (либерализация торговой политики, снижение барьеров на пути движения капитала, открытие финансовых рынков, снижение влияния государства в экономике) и росту влияния инвестиционного капитала (транснациональных корпораций, глобальных финансовых институтов и т.д.) на национальную политику.
30. Важно отметить, что здесь не может быть какой-либо одной «исчерпывающей» функции полезности. Формулировка и/или использование какой-либо конкретной функции зависит от тех задач, которые стоят перед исследователем.